

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОБМЕНИ В ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

А.В. Долинский

Capstone Connections, 333 Rocksville Rd., Holland PA, 18966, US.

Образовательные обмены являются ключевым элементом публичной дипломатии большинства стран, они считаются эффективными в данной области внешнеполитической деятельности. Обменными программам приписывают существенную роль, например, в послевоенном примирении Франции и Германии, в определении исхода холодной войны. Соответствующие аспекты публичной дипломатии остаются значимыми элементами внешнеполитического инструментария США, ФРГ, многих других стран. Россия в последнее десятилетие активизировалась в публичной дипломатии, в связи с чем роль образовательных обменов увеличивается, о чём свидетельствует и рост публикаций в экспертном сообществе. Однако стратегия, качество организации, оценки эффективности и использования современных технологий остаются на относительно невысоком уровне, что приводит к неэффективному использованию ресурсов. Для повышения их эффективности необходимо выделить приоритетные тематические направления, которые станут основой российской публичной дипломатии (и внешней политики), и сделать их ядром образовательных программ. Кроме того, необходима систематическая работа по оценке эффективности действующих и реализованных проектов, которая позволит определять результативность программ и соразмерность используемых ресурсов. Образовательные обмены должны быть направлены не только на привлечение иностранных студентов в Россию, но и на содействие российским студентам в обучении за рубежом, а преподавателям – в преподавании за рубежом. Наконец, международный опыт свидетельствует о необходимости поддержания связи с выпускниками обменных программ и содействия им в поддержании связи друг с другом, в том числе с использованием современных технологий.

Ключевые слова: публичная дипломатия, soft power, образовательные обмены, Россия, США, ФРГ, холодная война, Россотрудничество, МИД, СНГ, экспорт образования.

Активизация российской публичной дипломатии и появление в официальном политическом дискурсе термина *soft power* привели к повышению внимания к образованию как одному из инструментов внешней политики. Однако на сегодняшний день образовательные проекты при относительной масштабности характеризуются не самой высокой политической эффективностью, что делает актуальной дискуссию о том, как можно оптимизировать организацию образовательных обменов в публичной дипломатии с опорой на лучшие практики из международного опыта. Под устоявшимся термином «образовательные обмены» принято понимать не только непосредственно обменные программы, когда учащиеся из разных стран по очереди или одновременно обучаются в учебных заведениях друг друга. В среде исследователей публичной дипломатии так обозначается весь спектр программ, поддерживающих обучение иностранных граждан на средства страны-донора или собственных граждан за рубежом или в каком-либо международном контексте [14].

Образовательные обмены были и остаются ключевым инструментом публичной дипломатии, направленным на развитие национальной *soft power*. В контексте прикладного политического значения *soft power* часто упоминается, например, двусторонняя программа школьных обменов между Францией и ФРГ, которая стала ключевым аспектом человеческого измерения примирения между странами, воевавшими друг против друга в каждой большой войне на протяжении столетия. За годы существования программы в ней приняли участие несколько миллионов человек¹, что действительно делает её беспрецедентной с точки зрения масштаба. Специалисты Государственного департамента и Информационного агентства США² в числе самых успешных программ публичной дипломатии в истории своей страны называют программу образовательных стажировок для исследователей США из СССР. Программа была ориентирована преимущественно, но не только, на специалистов по изучению США и давала им возможность провести год в одном из ведущих университетов Северной Америки. В общей сложности за несколько десятилетий существования в ней приняли участие около 50 тыс. человек.

Результаты интервью некоторых из них десятилетия спустя показали, по мнению американских специалистов, что для многих этот опыт стал ключевым с точки зрения взглядов на глобальную политику, холодную войну, перспективы советско-американских отношений и развитие СССР. В числе принявших участие в таких программах были, например, один из идеологов перестройки Александр Яковлев, Рем

Хохлов, многие другие будущие члены элиты Советского Союза. О мало с чем сравнимом политическом значении образовательных обменов в последнее десятилетие в один голос заявляли руководители американской дипломатии. Дж. Най, например, цитирует бывшего государственного секретаря США Колина Пауэлла: «Нет более ценного актива для нашей страны, чем дружба с будущими мировыми лидерами, получившими здесь своё образование» [16].

В международном академическом сообществе существует консенсус относительно международных образовательных обменов как ключевого инструмента публичной дипломатии. К числу первых исследований эффективности обменных программ справедливо было бы отнести доклад Совещательной комиссии по международным образовательным и культурным вопросам США. Она в 1963 г. проанализировала результаты организованных Госдепартаментом визитов зарубежных потенциальных лидеров в период 1949 – 1960 гг. Авторы исследования идентифицировали 2700 участников программ в 20-ти странах и обратились к ним с просьбой ответить на вопросы исследования. Они также выделили близкую по социальному статусу группу из 1200 человек в тех же странах, но не принимавших участие в обменных программах. Кроме того, был проведён детальный анализ программ, проинтервьюированы их участники, организаторы и дипломаты в посольствах, потенциально способные наблюдать их эффект. Анализ отчасти предсказуемо, но, самое главное, доказательно показал, что образовательные обмены способствуют лучшему взаимопониманию между обществами и в целом эффективны для продвижения интересов страны [6].

Основные дискуссии в экспертном сообществе строятся сегодня преимущественно вокруг проблемы повышения эффективности обменов. Отдельные примеры того, как обменные программы не только не дали положительного результата, но и привели к негативным последствиям, в целом не влияют на восприятие образовательных обменов. Известен пример Саида Кутба, египетского государственного служащего, который был так разочарован американским материализмом, что в дальнейшем стал одним из значимых деятелей исламистского экстремизма [18]. При этом особенно активными апологетами образовательных обменов становятся практики публичной дипломатии, когда переходят в экспертное сообщество. В числе важных инноваций в области обменных программ можно отметить, например, работу Али Фишера, предложившего анализировать коммуникацию в социальных сетях в качестве инструмента оценки эффективности обменных

¹ См. The Franco-German Youth Office (FGYO). <http://www.ofaj.org/english-version>

² Информационное агентство США (USIA) существовало как независимое ведомство, координировавшее свою работу с Государственным департаментом, до 1999 г., после чего ведомства были объединены, и большое количество сотрудников перешли в Госдепартамент.

■ Международные отношения

программ как фактора установления отношений между участниками [15].

Российские исследователи международных отношений также обращают внимание на значение образования как фактора soft power. Так, М.М. Лебедева и Ж. Фор в 2009 г. подробно рассмотрели отечественное высшее образование как один из ключевых недоиспользуемых ресурсов soft power [11]. Кроме того, в российском политическом дискурсе появились работы, детально анализирующие составляющие политического влияния, полученного в результате экспорта образования других стран [12]. В публикуемых в России исследованиях в области публичной дипломатии и soft power начал анализироваться опыт в области содействия образовательным обменам не только стран Северной Америки и Европы, но и КНР [10]. Позднее появились работы, предлагавшие конкретные меры по оптимизации российской политики в этой области. А.В. Торкунов, например, отмечает снижение доли России в глобальном образовательном экспорте и предлагает стимулировать его в рамках многосторонних структур, в которых Россия участвует. В частности, такой мерой могло бы стать создание сетевых образовательных программ в рамках БРИКС, когда студенты проходят различные модули своего обучения в различных странах [13].

Однако в целом можно констатировать, что значительная часть российских работ рассматривает вопросы образовательных обменов как инструмента soft power в довольно общих чертах. Эта ситуация в значительной степени коррелируется с уровнем организации самих обменов. В настоящий момент они представляются концептуально и организационно уступающими аналогичным программам в других странах, хотя объём затрачиваемых на них ресурсов постоянно увеличивается. Опыт жизни и работы в другом государстве даёт ни с чем не сравнимую степень погружения в его культуру и логику повседневного общения, а также высокое качество понимания людей. При этом образование представляется особенно удобным в том контексте, что оно заведомо подразумевает распространение новых знаний, а значит, органично вписывается в логику публичной дипломатии, требующей возможности рассказывать людям новое.

Кроме того, образование даже в современном мире преимущественно ассоциируется с молодым возрастом, и это эффективно с точки зрения разумного расходования ресурсов: изменить мироощущение молодого человека сравнительно проще и большая часть его профессиональной деятельности ещё впереди, что позволяет рассчитывать на более долгосрочный политический эффект от обменных программ. С учётом высокой стоимости образовательных обменов для каждого индивида все государства стараются ориентировать их на наиболее талантливых потенциальных членов элиты, рассчитывая получить наибольший политический возврат на

совершаемые инвестиции. При этом результат достигается за счёт нескольких слагаемых:

- при правильном отборе на престижные программы велика вероятность, что победившие участники были бы успешными и без образовательной программы;

- обучение за рубежом даёт участникам новые конкурентные преимущества как с точки зрения полученных знаний и компетенций, так и с точки зрения опыта, а также лучшее понимание принимающей страны и в идеале лучшее к ней отношение;

- в процессе участия в обменной программе участники не только развиваются сами, но и развивают социальную сеть с другими участниками обменной программы и представителями принимающей страны. В результате формируются сообщества талантливых людей, объединённых общим опытом обменной программы.

Представители экспертного сообщества говорят о необходимости увеличения образовательных обменов, однако фактически Россия на сегодняшний день уже продолжает активную политику использования отечественного образования как инструмента увеличения своей soft power [4]. Только по линии Министерства образования и науки ежегодно в российские университеты поступают около десяти тысяч иностранных граждан, обучение которых происходит за счёт средств федерального бюджета Российской Федерации. Это означает, что одновременно в российских университетах бесплатно учатся около сорока тысяч иностранцев, что объективно довольно много. В целом эта программа, безусловно, скорее способствует, чем препятствует увеличению российской soft power.

Но нельзя не отметить, что определённые возможности для улучшения состояния дел в этой сфере сохраняются. В частности, не очень прозрачным выглядит механизм отбора иностранных студентов в российские университеты. В отличие от схожих зарубежных программ, нет чётко обозначенных публичных процедур и критериев отбора. Это не только снижает качество непосредственного процесса отбора привлекаемых студентов, но и в принципе существенно снижает привлекательность программ: наиболее сильные кандидаты выбирают более прозрачные программы, что уже на первом этапе снижает конкурентоспособность пула потенциальных участников.

Кроме того, если целью программ является содействие будущим элитам зарубежных стран в лучшем понимании России, важно учитывать, что выпускники российских университетов будут в зарубежных обществах конкурировать с выпускниками лучших университетов мира. Если реалистично смотреть на вещи, лишь ведущие российские университеты являются глобально конкурентоспособными, а значит, способны привлекать наиболее перспективных абитуриентов и предоставлять им образование мирового уровня. Большинство же такими не являются. В результате получается, что россий-

ский бюджет оплачивает обучение не самых высокопотенциальных студентов в не самых лучших университетах. Указанные обстоятельства снижают вероятность последующего политического результата, поскольку выпускники, получившие образование в рамках подобных программ, вряд ли обладают существенно более высокими шансами на лидерские роли в своих странах, чем если бы вообще не принимали участие в программе.

Описанная ситуация особенно важна в том контексте, что в абсолютных величинах в России обучается довольно много зарубежных граждан, большинство из которых самостоятельно платит за свое обучение: в 2009/2010 учебном году среди государств СНГ лишь среди выходов из Белоруссии, Казахстана и Киргизии большинство учились не за свой счёт. Всего в 2009/2010 г. в российских вузах обучались около 175 тыс. иностранных граждан, а общие доход российской высшей школы от обучения иностранных студентов составили около 250 млн долларов США [9]. Таким образом, нельзя сказать, что существующая модель образовательных обменов принципиально меняет существующую ситуацию: иностранных студентов, особенно студентов из СНГ, в России довольно много. Это не означает, что не нужно заниматься их привлечением, но, возможно, целесообразно было бы переосмыслить политику оплаты обучения за счёт федерального бюджета, переориентировав её на те направления, которые представляют наибольшую ценность для российской soft power.

Помимо полноценного обучения в российских университетах, существуют и краткосрочные ознакомительные и образовательные программы, организуемые самыми разными государственными структурами, в частности Россотрудничеством, Фондом Горчакова, Фондом «Русский мир», РСМД, российскими университетами, Росмолодёжью. Последняя организовала беспрецедентную для современной России международную смену образовательного лагеря «Селигер». Однако каждое из ведомств организует их в рамках решения собственных задач и собственного понимания задач развития страны. Их тематическое наполнение и организационная эффективность пока требуют дополнительного внимания. За последние несколько лет Россотрудничество организовало серию из нескольких десятков краткосрочных ознакомительных поездок в Россию для молодых людей из разных стран, однако наиболее известной стала программа после того, как проявились подозрения со стороны ФБР в отношении представителя агентства в США.

Международный опыт свидетельствует, что принципиальным фактором успеха программ образовательных обменов становится их гармонизация с ключевыми направлениями публичной дипломатии и внешней политики страны в целом. Так, большинство стран делает образовательные обмены тематическими, то

есть фактически поддерживает программы в тех сферах, которые считает для себя приоритетными. Соответственно логика анализа программ образовательных обменов должна строиться через призму оценки соответствия обменных программ тематическим приоритетам и соответствия тематических приоритетов внешнеполитическим целям. В российских же программах поддержки иностранных студентов выделить тематические приоритеты довольно сложно, поскольку охватывается предельно широкий спектр образовательных программ.

С одной стороны, это негативное следствие отсутствия чётко очерченных тематических приоритетов публичной дипломатии в целом, и его нельзя привязать исключительно к образовательным обменам. С другой стороны, размытость целевых ориентиров снижает эффективность использования ресурсов, и политический результат конкретных проектов, даже качественно организованных, остаётся неоптимальным. Важным направлением образовательных обменов в мировом опыте являются и проекты, направленные на зарубежные стажировки также студентов своей страны. Нэнси Сноу, например, отмечает значение инициативы по созданию программы зарубежных стажировок для американцев [18]. Президент США Барака Обама в ходе встречи с китайскими студентами в Шанхае заявил, что количество китайских студентов в США очень велико и что необходимо также увеличить количество американцев, обучающихся в Китае, до 100 тыс. человек [8]. Хотя этот показатель так и не был достигнут, реальное число посещающих КНР по программам образовательных обменов американских студентов постоянно увеличивается.

Германия является одним из лидеров в области международных образовательных обменов. В 2011 г. финансовую помощь от Германской службы академических обменов получило более 40 тыс. иностранных граждан. С 1950 г. более 760 тыс. иностранцев посетили Германию для получения образования, прохождения практики или проведения научных исследований. Кроме того, десятки тысяч преподавателей из Германии выступили с лекциями. Пятьсот преподавателей университетского уровня по всему миру получают финансовую поддержку Германской службы академических обменов на обучение немецкому языку и овладение смежных предметов [7].

В российской системе публичной дипломатии обменные проекты, позволяющие россиянам участвовать в зарубежных образовательных программах или преподавать за рубежом, пока не получили распространения. Соответствующие обсуждения в профессиональной среде ведутся уже несколько лет. В июне 2010 г. Президент РФ Медведев объявил о подготовке программы по поддержке обучения россиян за рубежом [1]. Но и спустя почти четыре года такой программы по-прежнему нет. Президент Путин подписал указ, вновь поручающий правительству её разработать [3].

■ Международные отношения

Ключевой проблемой образовательных обменов остаётся поддержание связи с выпускниками после их завершения. Лучшие практики организации образовательных обменов в зарубежных странах включают использование современных технологий. В США за последнее десятилетие сменилось несколько поколений онлайн-платформ для организации взаимодействия выпускников обменных программ, оплаченных из федерального бюджета. Для поддержания заинтересованности в общении Государственный департамент предлагает на этой платформе доступ к онлайн-библиотекам, курсы небольших грантов, организует вебинары и т.д. Новым поколением развития технологий в этой области становятся образовательные семинары, сочетающие онлайн- и офлайн-компоненты. Например, выпускник программы может организовать в своём городе семинар для студентов, в рамках которого в режиме видеоконференции может принять участие преподаватель из США. Основанный на набирающих популярность проектах онлайн-образования, такой подход позволяет одновременно достигать нескольких целей:

- расширение аудитории образовательных обменов с минимальным расходом ресурсов;
- поддержание связи с выпускниками и содействие им в достижении лидерских ролей в своих обществах. Аналогичные проекты существуют и в других странах.

Как и любой другой аспект публичной дипломатии, образовательные обмены в мировой практике подразумевают встроенную систему оценки эффективности. Отсутствие культуры оценки внутреннего анализа и оценки эффективности стало хронической болезнью российских программ публичной дипломатии, что не позволяет им эволюционировать и преодолевать трудности, причём болезнью крайне застарелой. Например, одновременно с программой для российских исследователей США была запущена и симметричная программа визитов в СССР для американских магистрантов, аспирантов и преподавателей. Автору не удалось найти свидетельств существования отечественных аналитических исследований, оценивающих эффективность этой программы, хотя она существовала довольно продолжительное время.

Между тем отрывочные свидетельства участников подобных программ со стороны США (в настоящий момент – успешные дипломаты, профессора университетов, журналисты) позволяют утверждать, что организованы они были плохо, не позволяли установить полноценных контактов с принимающим обществом и если и способствовали улучшению отношения к СССР, то скорее вопреки, чем благодаря общей логике организации программ.

В существующей системе организации образовательных обменов сложно даже сказать, какое ведомство обладает ресурсами и политическим мандатом, чтобы оценить эффективность всего комплекса обменных программ и предложить их оптимизацию. Теоретически соответствующая работа должна проводиться Министерством иностранных дел. Однако фактически МИД занимает в отношении публичной дипломатии скорее надзорно-наблюдательную, чем активную координационную позицию [2]. Например, подводя итоги 2013 г. для российской дипломатии перед членами Совета Федерации, С.В. Лавров лишь в последнем предложении своего выступления в принципе упомянул о «мягкой силе» [5]. По всей видимости, наиболее эффективным политическим решением в современных условиях могла бы стать подобная инициатива со стороны Россотрудничества.

В целом можно констатировать наличие определённого разрыва между существующими международными лучшими практиками и российским опытом. Значение образовательных обменов анализируют исследователи и подчёркивают практики, в том числе на уровне лиц, принимающих решения. Более того, если рассчитывать стоимость образовательных обменов, исходя из того, сколько иностранные студенты платят за образование в России, то речь идёт скорее о нескольких десятках миллионов долларов, которые ежегодно тратятся из федерального бюджета. Однако текущая система организации обменов позволяет рассчитывать на весьма ограниченные политические дивиденды с точки зрения soft power. В отсутствие комплексной стратегии, системы оценки эффективности и ряда других элементов, соответствующих глобальным лучшим практикам, велика вероятность того, что работа в области образовательных обменов останется малоэффективной.

Список литературы

1. Дмитрий Медведев выступил на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. 18 июня 2010. Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/8093>
2. Положение о Министерстве иностранных дел (в ред. Указа Президента РФ от 19.10.2005 № 1218) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. Режим доступа: <http://www.mid.ru/bdcomp/personnel-matters.nsf/701f38df2a96116b4425793d0040c147/7147fe211200c34444257944003ef785!OpenDocument>
3. Указ Президента РФ от 28.12.2013 № 967 "О мерах по укреплению кадрового потенциала Российской Федерации" [Электронный ресурс] // Справочная правовая система КонсультантПлюс: Версия Проф. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156645/

4. Косачев К.И. Россотрудничество как инструмент «мягкой силы» [Электронный ресурс]. // Официальный сайт Россотрудничества. Режим доступа: http://rs.gov.ru/sites/rs.gov.ru/files/fs26_kosachyov.pdf
5. Лавров С.В. Мы начали осваивать инструменты «мягкой силы» позже их изобретателей [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 18 декабря 2013 г. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2878#top
6. A Beacon of Hope. A Report from the U.S. Advisory Commission on Cultural and Educational Affairs. April 1963. [Электронный ресурс] // Institute of Education Sciences. Режим доступа: <http://files.eric.ed.gov/fulltext/ED022412.pdf>
7. DAAD 2011 Annual Report [Электронный ресурс] // German Academic Exchange Service. Режим доступа: https://www.daad.de/imperia/md/content/presse/daad_jahresbericht-11-engl_120712b.pdf
8. Remarks by President Barack Obama at Town Hall Meeting with Future Chinese Leaders. [Электронный ресурс]. // The White House. Office of the Press Secretary of the U.S. President. 16.11.2009. Режим доступа: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-barack-obama-town-hall-meeting-with-future-chinese-leaders>
9. Арефьев А.Л., Шереги А.Ф. Экспорт российских образовательных услуг. Статистический сборник. Выпуск 3. М. 2011. 360 с.
10. Кривохиж С.В. «Мягкая сила» и публичная дипломатия в теории и внешнеполитической практике Китая. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13 Востоковедение и Африканистика. Выпуск 3. Сентябрь 2012. С.103-112.
11. Лебедева М.М., Фор Ж. Высшее образование как потенциал "мягкой силы" России // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 6. С.200-205.
12. Панова Е.П. Высшее образование как потенциал "мягкой власти" государства // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 2 (15). С.157-161.
13. Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. №4 (25) 2012. С.85-93.
14. Фоминых А. «Мягкая мощь» обменных программ // Международные процессы. 2008. № 6 (16). С. 76-85. Режим доступа: www.intertrends.ru/sixteenth/008.htm
15. Fisher Ali. Mapping the Great Beyond: Identifying Meaningful Networks in Public Diplomacy. Режим доступа: <http://uscpublicdiplomacy.org/publications/perspectives/CPDPerspectivesMappingNetworks.pdf>
16. Nye Joseph S. Jr. Soft Power and Higher Education // The Internet and the University. Devlin Maureen, Larson Richard, Meyerson Joel. Educause: 2005. Pp.11-14.
17. Scott-Smith Giles. Exchange Programs and Corporate Public Diplomacy. NY: Rouledge, 2009. Pp.50-56.
18. Snow Nancy. Valuing Exchange of Persons in Public Diplomacy. NY: Rouledge, 2009. Pp.233-250.

Об авторе

Долинский Алексей Владимирович – к. полит. н., партнёр Capstone Connections, 333 Rocksville Rd., Holland PA, 18966, US. E-mail: ad@capstoneconnections.org.

EDUCATIONAL EXCHANGES IN PUBLIC DIPLOMACY: RUSSIAN AND INTERNATIONAL EXPERIENCE

A. Dolinskiy

Capstone Connections, 333 Rocksville Rd., Holland PA, 18966, US

Abstract: Education exchanges are a key element of public diplomacy for most countries that considered effective in that domain of foreign policy activities. Education exchanges are attributed an important role in the post-war peace settlement between Germany and France and in determining the outcome of the Cold war. Relevant aspects of public diplomacy remain key elements of foreign policy instruments of the US, Germany and many other countries. Russia has been increasingly active in public diplomacy in the past decade and the role of education exchanges has been increasing which is also demonstrated by a growing number of expert publications on the subject. However the strategy, the quality of organization and the use of modern technologies remain at a relatively low level which leads to an inefficient use of resources. Priority issues that can be a core of Russia's public diplomacy (and foreign policy in general). Moreover, systemic work would be required to evaluate efficiency of current and complete projects which would allow determine effectiveness of programs and appropriateness of resources used. Education exchanges need to be targeted at both bringing international students to Russia and assisting Russian students to study

■ Международные отношения

internationally and professors to teach abroad. Finally, international best practices show that there is a need to maintain connections with international exchanges alumni and assist them to maintain connections with each other including with the use of modern technologies.

Key words: public diplomacy, soft power, education exchanges, Russia, US, Germany, Cold war, Rossotrudnichestvo, Foreign Affairs Ministry, CIS, education exports.

References

1. Dmitrii Medvedev vystupil na plenarnom zasedanii Peterburgskogo mezhdunarodnogo ekonomicheskogo foruma [Dmitry Medvedev's Remarks at SPIEF Plenary Session]. June 18, 2010. Available at: <http://kremlin.ru/news/8093> (In Russian)
2. Polozheniye o Ministerstve Inostrannykh Del. [Foreign Ministry Statute] Available at: <http://www.mid.ru/bdomp/personnel-matters.nsf/701f38df2a96116b4425793d0040c147/7147fe211200c34444257944003ef785!OpenDocument> (In Russian)
3. Ukaz Prezidenta RF ot 28.12.2013 №967 "O merakh po ukrepleniiu kadrovogo potentsiala Rossiiskoi Federatsii" [Presidential Decree 28.12.2013 N 967 "Measures to Improve Russia's Human Resources Potential"]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156645/ (In Russian)
4. Kosachev K. Rossotrudnichestvo kak instrument myagkoy sily. [Rossotrudnichestvo as a Soft Power Tool]. http://rs.gov.ru/sites/rs.gov.ru/files/fs26_kosachyov.pdf (In Russian)
5. Lavrov S. My nachali osvaivat instrument myagkou sily poszhe ikh izobretatelei. [We started using soft power tools later than their inventors]. Available at: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2878#top (In Russian)
6. A Beacon of Hope. A Report from the U.S. Advisory Commission on Cultural and Educational Affairs. April 1963. Available at: <http://files.eric.ed.gov/fulltext/ED022412.pdf>
7. DAAD 2011 Annual Report. Available at: https://www.daad.de/imperia/md/content/presse/daad_jahresbericht-11-engl_120712b.pdf
8. Remarks by President Barack Obama at Town Hall Meeting with Future Chinese Leaders. 16.11.2009. Available at: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-barack-obama-town-hall-meeting-with-future-chinese-leaders>
9. Arefyev A. Sheregi A. Eksport rossiyskikh obrazovatelnykh uslug. 2011. 360 p. (In Russian)
10. Krivokhizh S. Myagkaya sila I publichnaya diplomatiya v teorii I vneshnepoliticheskoy praktike Kitaya. [Soft Power and Public Diplomacy in China's Foreign Policy Theory and Practice]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta - St. Petersburg University Bulletin, Issues 3, September 2012, pp. 103-112. (In Russian)
11. Lebedeva M., For J. Vysheye obrazovaniye kak potentsial myagkoy sily Rossii. [Higher Education as Russia's Soft Power Potential]. Vestnik MGIMO universiteta - MGIMO University Bulletin, 2009, no. 6, pp. 200-205. (In Russian)
12. Panova E. Vysshee obrazovaniye kak potentsial myagkoy vlasti gosudarstva. [Higher Education as a soft power potential of a state]. Vestnik MGIMO universiteta - MGIMO University Bulletin, 2011, № 2 (15), pp.157-161. (In Russian)
13. Torkunov A. Obrazovaniye kak instrument myagkoy sily vo vneshney politike Rossii. [Education as Russia's foreign policy soft power tool]. Vestnik MGIMO universiteta - MGIMO University Bulletin, №4 (25), 2012, pp.85-93. (In Russian)
14. Fominykh. A. Myagkaya moschch obmennykh program. [The soft power of exchange programs]. International Trends, 2008, no. 6 (16), pp. 76-85. Available at: www.intertrends.ru/sixteenth/008.htm (In Russian)
15. Fisher, Ali. Mapping the Great Beyond: Identifying Meaningful Networks in Public Diplomacy. Available at: <http://uscpublicdiplomacy.org/publications/perspectives/CPDPerspectivesMappingNetworks.pdf>
16. Nye, Joseph S. Jr. Soft Power and Higher Education. // The Internet and the University. Devlin Maureen, Larson Richard, Meyerson Joel. Educause: 2005. Pp.11-14.
17. Scott-Smith, Giles. Exchange Programs and Public Diplomacy. NY: Routledge, 2009. Pp. 50-56.
18. Snow, Nancy. Valuing Exchange of Persons in Public Diplomacy. NY: Routledge, 2009. Pp.233-250.

About the author

Alexey Dolinki –PhD in Political Science, Partner at Capstone Connections, 333 Rocksville Rd., Holland PA, 18966, US. E-mail: ad@capstoneconnections.org.